

Александр БУТАКОВ

ДВЕ СОСТАВНЫЕ: НРАВСТВЕННОСТЬ, ЛЮБОВЬ

(Заметки о новых книгах Ольги Гришко)

Издавна следя за творчеством наших ведущих литераторов края, я не оставлял без внимания высказывания критиков о них, отзывы о вышедших книгах, появившиеся в печати, и особенно те, что раньше звались «закрытыми», выполнялись по заданию издательства и участвовали в решении судьбы рукописи: стать ей книгой или оказаться автору возвращенной. Были такие рецензии всегда непредвзятыми и редко - хвалебными: издательство не обманешь, там такие зубры сидят!

Так однажды и попала мне в руки подобная, «для внутреннего пользования», рецензия Виктора Попова, известного своей строгостью в суждениях собратьев по перу. Появилась она в пору, когда Ольга Гришко, предложившая Алтайскому книжному издательству довольно-таки большой по объему труд, только что переехала в Барнаул из Казахстана и еще не была известна основной массе нашего читателя, как, впрочем, и самому рецензенту. Уже почти набросав вчерне свои заметки о новых, недавно изданных книгах этого же автора, я вспомнил о рецензии Виктора Попова, кстати, очень доброжелательной, а когда перечел ее, то подумал, что будет не лишним процитировать хотя бы небольшую ее часть, где дана общая оценка прозе Ольги Гришко, уже двадцать лет плодотворно работающей на Алтае. Вот этот текст:

«Фамилия мне не сказала ничего. Я знал лишь, что автор издавалась не у нас, член Союза писателей. Поэтому читать начал с определенной осторожностью: как бы чего не упустить такого-этакого, не ошибиться в оценке. Но буквально с первых страниц увлекся и о «таком-этаком» забыл напрочь. Передо мною была работа литератора-профессионала, имеющего и свою тему, и свой голос, и, что самое главное, свои убеждения...

Вещи, которые мне приходится рецензировать, читаю впервые, мнение о них только сформировалось, и говорить я буду без всяких оглядок. Вполне вероятно, что кое в каких оценках ошибусь - литература бывает явно однозначна лишь в единственном случае: когда она плоха. А когда есть о чем говорить, появляются и разночтения, и, соответственно, разные оценки. Но самое главное, что мне хочется сказать: я считаю, что большинство из представленных в рукописи вещей имеют право на внимание широкого круга читателей.

Прежде всего, чем меня привлекает творчество автора? За последнее, перестроечное время я так «напичкался» и с книжных, и с журнальных страниц «глобальными» проблемами, что мозги сдвигаются набекрень. Куда ни кинешься, всюду - властители мира, вершители человеческих судеб, во зло и в добро употребляющие свое могущество... Читаю о свершившихся несправедливостях и думаю: что, сами-то авторы пришли с иных планет и ни в какой степени не могли содействовать изменению положения? Понимаю, конечно, что писать о тех трудных, неоднозначных временах надо. Но уж, коль скоро мы до предела затерли значение слова «перестройка», не надо ли его поднять с землячки, отряхнуть хорошенько, простигнуть в нескольких водах и посмотреть не просто, как на имя существительное, а как на призыв к действию каждого не в глобальном измерении, а в отношении... соседа к соседу: насколько мы способны разделить чужие радости и горе, не растеряли ли мы в суете составные понятия «добродетель»? Герои рассказов и повестей автора рукописи - не растеряли: они добры и великодушны, а если и неудачливы, то неудачливость их от широты собственной души. Да, в ответ на свою открытость, на свое милосердие они, грубо говоря, получают оплеухи. Им плюют в душу, но это их не ожесточает. Они не думают о последствиях, их доброта, как всякая истинная доброта, тем и прекрасна

на, что она не показная, что она не рассуждает. Рассудочность, расчетливость свойственна больше мерзавству, которое шагу не сделает без выгоды. А доброта переполняет человека настолько, что ее, кажется, должно хватить на всех. И что еще мне очень дорого, что сборник населен людьми «маленькими», которые не имеют и не желают иметь власть над чужой жизнью и над чужой смертью. Им бы справиться со своими судьбами, очень порой нелегкими, избыточными такими сложностями, которые даже признанным приключенцам не пришли бы в голову, хотя писатель просто берет кусок жизни и преподносит таким, каким он ему видится. И уж наше дело -восхищаться этими героями или не любить их, поднимать на котурны или осуждать их действия»...

Совсем недавно, уже с научной точки зрения, творчество Ольги Гришко анализировала Татьяна Богумил, ассистент кафедры теории и русской литературы XX века БГПУ, которая, не противореча Виктору Попову и другим рецензентам в том, что в прозе писателя «все, как в жизни», добавив, однако, что «повествования явно тяготеют к аллегории, а это создает афористичность стиля, что, по сути дела, перед нами автохарактеристика», усматривает в текстах автора такую вот целенаправленность: «Да, автор предлагает читателям судьбы людей, далеко не ординарные, оттого и запоминающиеся надолго. Хитросплетения жизни действительно необыкновенны, незаурядны, удивительны. Многообразие бытовых коллизий, тщательно прописанных художницей, тем не менее, обнаруживает единую бытийную основу... Целый ряд ее рассказов просвечивает сквозной метасюжет. Назову его, может быть не вполне точно «(вос)создание семьи». И Татьяна Богумил успешно доказывает подробным разбором текстов свою мысль.

Никого из писавших о прозе Ольги Гришко не оспаривая и помня слова Виктора Попова о том, что «когда есть о чем говорить, появляются разночтения», я взялся порассуждать на две особо четко прозвучавшие для меня темы в ее произведениях: любви и нравственности. На мой взгляд - самые центральные и все ее произведения образующие. Предметом моих заметок, как я уже упомянул, стали новые книги Ольги Гришко «Избранное» и «Плюшевый ослик на счастье», опубликованные в серии «Писатели Алтая» и «Библиотеке журнала «Алтай».

«Нравственность есть правда» - вывел четкую формулу наш знаменитый земляк Василий Макарович Шукшин и вынес эти слова в заголовок своей статьи. Путь к этой правде он видел, как мы хорошо теперь знаем, в беспристрастности, в показе «так, как есть на самом деле». Казалось бы - чего проще! Но там же читаем: «Когда герой не выдуман, он не может быть только безнравственным или только нравственным... Честное, мужественное искусство не задается целью указать пальцем: что нравственно, а что безнравственно, оно имеет дело с человеком «в целом» и хочет совершенствовать его, человека, тем, что говорит ему правду о нем»...

Вот так. Не столь, выходит, простой и однозначный критерий - правда! И тем сложнее работает художнику слова, если, берясь за перо, он присягает, ни больше, ни меньше - честно следовать завету говорить правду.

Кому, что и насколько удастся - становится ясно после появления в свет писательского труда. Тут уж все, как на ладони: и направленность идеалов автора, их, этих идеалов, качество, наличие и величина гуманизма. Тогда одни книги читаются и перечитываются, другие, не задержав интереса более чем на полчаса, уходят в забвение вместе с фамилией автора. Могу уверенно сказать, что к последним книги Ольги Гришко не отнести, потому, как не только одним мной отмечено: «Проблемы, поднимаемые в ее произведениях, относятся к морально-нравственной категории, а это, как известно, всего ближе читателю». Особенно же показательны в этом смысле повесть «На гребне безысходности» и ее главное прозаическое произведение большая повесть (а может - роман?) которая дала название только что вышедшей книге - «Плюшевый ослик на счастье». Но прежде и коротко - о другой, также задержавшей мое внимание и запомнившейся своей темой: «В Бухте встреч».

Когда я прочел «В Бухте встреч», то меня долго не покидало ощущение, что я пообщался с умным, честным человеком, который ничего не утаил от меня. При этом я понимал, что автор вовсе не был озбочен: волнует меня рассказанное или нет, он просто исповедовался. Искренне, без оглядки. И тем самым приобщил к таким таинствам, о которых мне предстояло еще долго размышлять.

Главная героиня повести - Анастасия. Она - сценарист и оказалась на краю света потому, что именно тут по ее сценарию будут вестись съемки. В бухте кипит жизнь, а приезжая из самой аж Москвы кажется праздной проводящей время. Разве придет тут кому в голову, что Анастасия высматривает среди них натурны для будущего фильма? И все потом оказывается не случайным: разговоры, люди, встречи. Тем и сильна Ольга Гришко, что умеет обозначить глубину там, где простой человек пройдет мимо и в упор ничего не увидит.

Вот, например, мужские руки: «длиннопалые, натруженные, с узлами на суставах, с темной, задубевшей кожей - мужичьи сильные, надежные руки, которые... оператор ищет для крупного плана и не встречает». А Анастасия - встретила!

Случайная деталь - «мужичьи» руки? Да нет. У ее мужа они совсем другие: холеные, не израсходованные в настоящем деле. Да и сам он - другой, человек не ее судьбы. Но у них уже две дочери и что-то поменять - достанет ли мужества?

Очень тонко прописана автором последняя сцена в повести. Незнакомец, о котором Анастасия так ничего и не знает, с первого появления ее в бухте, тоже понимает, что именно эту женщину он ждал всю свою жизнь. Понимает и то, что через несколько минут ее не станет: за ней уже приехала машина, чтоб отвезти к вертолету. И тогда он, спешно освобождаясь от водолазного костюма, бежит к ней по неверному весеннему льду. Он знает, что не успеет добежать, но, а вдруг? А если и добежит, что скажет? «Прощай!» Она, пожалуй, пообещает написать, но большего не произойдет, сказка кончится.

Теперь о повести с конфликтной ситуацией (оттого и с глубоко-нравственными потрясениями), сложившейся в провинциальном театре, где режиссер Еркин пытается поставить спектакль «Водоворот» по заведомо слабому сценарию, а артисты Елена Чураева и Андрей Рукавишников, скрепя сердце, но и протестуя, вынуждены репетировать главные роли.

Чураева, зная о скрываемой болезни своего друга, оберегает его, как может, и оттого еще больше положение её усложняется. Помочь ей мало кто стремится, хотя вслед за Андреем и думают, что там, где Еркины, там потемки. «Да, прошли добрые времена, когда бездарей иногда «посыпали дустом», - вздыхает кто-нибудь из массовки, но вздыхает так тихо, чтоб Еркин не слышал.

И все-таки премьера «Водоворота» не состоялась! И не только потому, что добро победило зло, и даже не потому, а оттого, что автор ввел в повествование и заставил честно прожить в нем пусть короткий, но яркий отрезок жизни, еще одного главного героя - молодого и не желающего ни под кого прогибаться, Сергея Трубецкого.

Я уже читал, что Ольга Гришко умеет доводить конфликт до острейшей кульминации. Но не прочел - почему она это делает. А ответ на поверхности: для полного выявления характеров. Тогда, как и в жизни, окружение наше четко делится на тех, с кем можно пускаться в трудный путь, а кто «и не друг, и не враг, а - так»... Конфликт в произведениях О. Гришко - кипящая точка противоречий, «к ней-то и сходятся основные линии ее художественного поиска».

Вы скажете: ну, понятно, про нравственность мы услышали, а где любовь? О ней ведь тоже было объявлено. Так и ее в «Гребне безысходности» предостаточно, стоит лишь сообщить, что Сергей по-настоящему и впервые влюбляется, а Елена не может забыть мужчину, ставшего отцом их дочери. Думая, что Егоров ее оставил ради другой, не зная, что он еле выжил после страшной катастрофы, Елена все-таки его ждет. И день их встречи наступает.

Как и «На гребне безысходности», «Плюшевый ослик на счастье» - произведение многоплановое, но стоит несколько особняком в ряду других произведений писателя - довольно-таки необычен сам материал: жизнь цирка шапито. Почти экзотика! «Плюшевый ослик...» по внутренней структуре самое сложное, но и самое цельное полотно автора.

Основу сюжета составляет, я бы выразился так, поединок с судьбой юной акробатки Ани Останиной, замеченной в маленьком городке директором цирка случайно, но, со временем, ставшей для шапито незаменимой. События, происходящие в цирке и вне его, при всей точности реалий, имеют ощутимый запах того трудного и романтического времени. Сила художественного слова автора такова, что, следя за развитием образов ее героев, ты словно сам кочуешь вместе с артистами по городам и весям, сам попадаешь в невероятные ситуации и все же находишь из них выход, стал

квиваешься с зорким оком НКВД, бредешь по ночному перрону к вагончику, который через несколько минут увезет тебя неизвестно куда и на сколько...

Читая повесть, ты безоглядно веришь автору: и тому, что происходит под куполом, тому, что случается за форгангом, и в маленькой комнатке больницы - временном приюте Анны и ее матери Фенечки. Как и все, собравшиеся на представление, где будет демонстрироваться совершенно новый и рискованный трюк, ты замираешь и со страхом, и восторгом следишь за полетом акробатки, партнер которой не успевает, а, вернее - не желает протянуть ей свои руки: ему легче погубить Анну, чем навсегда уступить другому... Согласитесь, чтобы все это произошло с читателем, автор должен великолепно знать то, о чем он в повести рассказывает. Ольга Гришко знает: это и ее родители были цирковыми акробатами шапито, и самой ей удалось вдохнуть опилоч-ный запах арены в раннем детстве.

Есть в повести, кроме главных героев Анны, Гриши и Александра, показанных крупным планом, и другие действующие лица: Машенька, безответно и тайно мечтающая об Александре, оставшийся сиротой и прибившийся к цирку Ваня, дальний родственник Анны - Валентин Сухов, клоуны, не просто выходящие на арену, чтоб посмешить, а думающие о том, как затронуть самые чистые, тонкие струны души человеческой... И для каждого персонажа автор нашел особые краски, чтоб не слились они после в единое, а остались в памяти яркими.

И плюшевый ослик в судьбе Анны Останиной - не случайно. Выигранный в тире приз становится ее талисманом, ее оберегом:

«Уже привыкшая к плюшевому ослику, как к собеседнику, она поворачивает к нему голову и просит:

- Ты не смотри теперь на меня.
- Почему? - удивляется ослик.
- Я такая неуклюжая.
- Ты - глухая, - поправляет он.
- Почему?
- Потому, что - счастливая.
- Я?!
- Ну не я же. Я тряпичный, не разобьюсь, хоть сколько роняй.
- А я могла. Насовсем.
- Вот и говорю - счастливая.
- Это ты меня уберег, да?
- Мы все, - смущается ослик. - И даже тот старик в тире».

Заключая разговор о крупных произведениях автора «На гребне безысходности», «Плюшевый ослик на счастье», «В бухте встреч», хочется отметить, что читая их, как, впрочем, и другие, получаешь не только удовлетворение, но и обогащаешься знанием жизни, до сих пор от тебя далеко отстоящей. А это, согласитесь, дорогого стоит.

Теперь о рассказах, которых в этих книгах, да и в других у Ольги Гришко много и которые написаны как бы на одном дыхании, безо всяких усилий, словно оправдывая суждения, будто случаются они у прозаиков во время передышки между большими вещами. (К слову сказать, если это так, то в перемежку с ними у Ольги Гришко еще и стихи случаются, и сборники поэтические выходят с тем же постоянством, что и прозаические). Но кому не известно, что малая прозаическая форма еще сложнее, чем большая? Тут и умение быть лаконичным требуется, и способность скупым мазком создать и яркий образ, и яркую второстепенную деталь. Многого необходимо хорошему рассказчику, чтобы не разочаровать нас с вами, заставить прочитать все до конца.

Начну с рассказа «Двое», который, как бы сам, попросился в первый ряд, и только после я понял почему: в нем даже больше, чем в остальных слились воедино нравственность и любовь, предметы моего, как я решил, исследования творчества Ольги Гришко. Еще, наверное, и потому, что оценка рассказа четко совпала с оценкой другого рецензента, уже упомянутого выше, с которым, при всем моем желании «разночтения» не случилось.

«Он продает дом, она покупает его. Встретились они впервые. Ему надо ехать к сыну пестовать внучат, ей - иметь на старости угол. Торгуются продавец и покупатель. И здесь начинается самое прелестное. Ему жалко расставаться с домом не потому, что он в нем долго жил, он убежден, что все, что начнет делать в этой обители она, будет делать не так: не туда пойдет, не там сядет.

Он это чувствует по ее нынешним действиям и начинает ворчать. Она терпит и наконец отвечает тем же. И начинается старческая воркотня - не ругань, не свара, а именно воркотня.

И вот автор каким-то очень легким мазком вдруг наводит меня на мысль: а ведь они не должны разойтись, они как будто созданы друг для друга. Как и что у них было в далеком прошлом, меня не интересует. Тогда они, может быть, друг на друга и не посмотрели бы. А вот сейчас им друг без друга - никуда. И мне уже легко, мне весело, потому, что автор показал хороших людей и главное - объяснил, что при желании можно сохранить веру в счастье до гробовой доски.

Человек всю жизнь томится в ожидании счастья, а оно не приходит, и не приходит. И вдруг на тебе - неожиданно-негаданно, когда уже и зажечься нечем, появляется мысль, что жизнь-то прожита не зря, что было в ней немало и хорошего. В этом, мне кажется, и заложена идея рассказа. Очень глубокая, очень значительная идея».

И тут, в рассказах, Ольга Гришко правдива. Безукоризненное знание материала, психологии не только взрослых, но и детей, умение жить во времени своих героев: в лихолетье войны, в трудных послевоенных годах, в наши дни рождает у читателя полное доверие к автору. Все лучшие рассказы сюжетны, в них чувствуется пружина, они вызывают ответное волнение, сопереживание, потому как пропущены через душу писателя.

Неустроенность человеческих судеб, одиночество, поиски личного счастья, протест злу и ожидание доброго знака неизвестно откуда, потери и обретения... Это ли не близко каждому из нас, не это ли волнует нас чуть ли не повседневно? И вот Ольга Гришко, как бы услышав нас, пишет «Тюхтю», «Без мамы», «Последний шанс», «Аукцион», «Вниз по Юдоме», «Хорошо шагаешь, Вася!»...

Любящий муж, отличный шофер с радостью возвращается домой после трудной, не в один день, поездки. Ничто не предвещает грозы, но по тому, как жена не выходит его встречать, а дочь глядит исподлобья, он, хоть и не сразу, но понимает, что что-то произошло. А произошло страшное: все село накануне видело документальный фильм про алкоголиков, и одним из них (да еще каким крупным планом показали!) был герой рассказа «Хорошо шагаешь, Вася!». Оказывается, произошла ужасная ошибка, но попробуй, объясни это жене на последнем месяце беременной, ее матери, тестю, соседям!

Да и объяснение сразу не находится: разве легко вспомнить, как в юности он познакомился случайно с попугайчиком, оказавшимся телеоператором, как тот, имеющий привычку запечатлеть «типажей», мол, стодится когда-нибудь, заснял и Васю, только что отслужившего, и еще не решившего, где оседет, как жить станет? А после, через годы, не специально, а просто забыв, кто такой - вмонтировал этот кусок пленки в свой новый фильм. Казалось, делов бы? Но только казалось. Когда вся кутерьма закончилась, когда выяснилось, наконец, что не был Вася никогда пьяницей, и семьи другой у него не было, и простили его все разом, «он почувствовал, что все вокруг рушится, образовывается пустота», «света, как раньше, в душе его теперь не было».

Совсем иной колорит рассказа «Мышеловка», написанного в одно время с «Лавиной», «Тремя чешуйками на плече».

«Через два часа должен наступить Новый год. Она ему была не рада, но по привычке накрыла стол, расставила приборы по своим местам: это - мужу, который умер два года назад, этот - матери, которая недолго жила при жизни, но почему-то последовала за ним через несколько дней, это - дочери. Нынче она встречает праздник уже в собственной семье...»

Грустное, ничего не обещающее начало, правда, ведь? Не то, что в «Хорошо шагаешь...». Но и тут начало обманчиво, поскольку уже через несколько минут наша невеселая героиня оказывается...на кухонном столе! «Но не послалось: в голову лезли мысли одна другой печальнее... она, намучившись, поднялась. Не зажигая свет, прошла на кухню, тут щелкнула выключателем и обомлела: у стенки шкафа, тарача на нее темные буравящие бусинки, сидела... мышь!

Что было потом? А потом она сначала пошла к ближним соседям за кошкой. «Смущаясь и краснея, Лариса Петровна, как милостыню, попросила:

- Не одолжите ли мне вашу кошку на несколько дней?

Соседка ...удивилась и полюбопытствовала:

- Зачем?

- У меня появилась мышь.

Соседка подумала что-то свое, сообразила и отказала. Игнатевы вошли в положение, выдали кошку. Снабдили «киткетом в хрустящей упаковке. Посомневались в том, что их любимица предпочтет такой вкуснятине мышь, но утешили:

- Не станет есть, так хоть попугает.

Но срок возвращать кошку вышел, мышь объявилась тотчас и Лариса Петровна, по совету знакомой, пошла в соседний подъезд теперь уж одалживать мышеловку. Ту самую, в которую попала сама, так как владелец мышеловки был хоть и вдовец с тремя ребятишками, но мужчиной молодым и красоты не лишенным.

В «Мышеловке» конец счастливый, но далеко не простой: к нему наши герои прошли все ухабы, одолели все сомнения, и уж только потом наступил следующий Новый год. Дом Ларисы Петровны в этот день был переполнен - Анатолий с детьми, его родня из деревни, елка под потолок. А «в кухне, перевязанная блестящей мишурой и потому потерявшая свой грозный вид, стояла на своем месте не взведенная мышеловка. Если бы было можно, Лариса Петровна постелила бы ее над дверью, как вешают подкову - на счастье».

Пересказал содержание, как говорится, по диагонали, и поймал себя на мысли, что неважную услугу писателю сделал: за скобками осталось самое интересное, то, над чем читатель бы и посмеялся, и погадал, пока до конца рассказа добирался. Ну, да иначе как соединить читателя с автором? Остается только напомнить, что книги, в которых все целиком есть, можно найти в библиотеках города и края. И не торопясь прочесть, теперь уж мои суждения со своим сверяя.

Напоследок вернусь еще разок к Т. Богумил, которая, изучая прозу Ольги Гришко, написала: «Произведения - слово о жизни. Ее видение автором - мудрое и печальное. Честность, по-видимому, становится синонимом истинности создаваемого мира...»

Будущему преподавателю литературы, однако, интересно было исследовать прозу писателя не только как творца слова, а, пожалуй, больше, как художника, способного влиять на все вокруг происходящее. И вот ее вывод: «Так уж сложилось, что «поэт в России - больше, чем поэт». Вот и писательница тяготеет к притчевости, дидактике, обнаруживая тем самым стремление «улучшить нравы», научить ценить жизненные основы: любовь, семью и человека. Быть «мироустроительницей».

Миссия, конечно, невероятно сложная. Но и под силу, как видим, каждому, серьезно работающему в литературе, художнику.

Бутаков А. Две составные: нравственность, любовь / А. Бутаков //Алтай . - 2005. - №4.